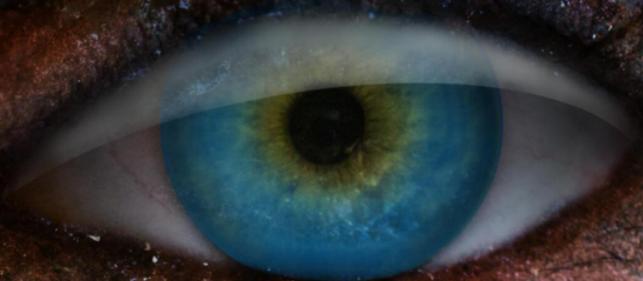

Гуманаризм

Орина Картаева

Орина Ивановна Картаева

Гуманариум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68511201

SelfPub; 2023

Аннотация

Космическая робинзонада может закончиться совсем не так, как надеется потерпевший крушение.

Орина Картаева

Гуманариум

1

Слева по борту нависала серая громада Ганимеда. Он чем-то похож на конфету «Рафаэлло» – на поверхности гигантские ледяные торосы, торчащие во все стороны глыбы, чисто кокосовая обсыпка, правда, серого цвета. Под ними километры льда, как сферическая вафля, под ней соленый океан, а внутри ядро-орех.

На экране нежно переливались размытые ниточки зелено-го северного сияния над полярной областью. Я несколько раз видел авроры дома, на Земле. Но там были еще и синие, фиолетовые и малиновые цвета, а здесь только зеленый. Некоторое количество кислорода в жиденькой атмосфере Ганимеда имеется, но азота нет совсем, потому колор небогатый. Но все равно красиво. Над Юпитером бывают потрясающие авроры, но то Юпитер, у него магнитосфера мощная, в ней купаются и серебристый Ганимед, и золотистая Ио, и медная Европа. Тонкие, поблескивающие алмазной пылью, темные кольца Юпитера тоже впечатляют, хотя, конечно, не как у Сатурна.

Космос потрясающе красив. Звездная бездна ошеломляет, к ней невозможно привыкнуть, как и к бесконечному одиночеству в нем и собственной микроскопичности. В космосе

ты словно электрон или даже кварк в сравнении с галактикой. Одинокая, немислимо крохотная частичка, оторванная от теплого тела Земли. Потому на вахты набирают людей с максимально устойчивой психикой, не склонных к депрессиям. Однако искины бортов все-таки снабжены человеческими голосами и – ходят в некоторых кругах сказки – даже чувством юмора, впрочем, весьма своеобразным. Не знаю, не знаю. Мона еще ни разу удачно не пошутила. Все ее шутки я наизусть выучил, она ни разу не выдала новую.

– Мона, приготовь к ужину конфеты «Рафаэлло», – сказал я.

– Вы не можете получить калорий больше нормы, прошу извинить, – подпустив в голос нотки сочувствия, ответила Мона. Она всегда так делает, когда отказывает мне в чем-то.

– Я отработаю на тренажере, не растолстею.

– Вы не можете получить калорий больше нормы, прошу извинить.

– Хорошо, – согласился я. – Но на завтра рассчитай норму калорий с учетом конфет «Рафаэлло». Двадцать грамм, мне хватит.

– В базе отсутствует рецепт конфет «Рафаэлло». Могу предложить горький шоколад, мармелад, пастилу...

– Не надо, – сдался я, – не надо. Обойдусь.

– Принято.

Все-таки голос у нее хороший, добрый. Интересно было бы посмотреть на девушку, которая подарила Моне свой го-

лос. Хотя, может, она уже давно бабушка. Программы на наблюдателях не обновляются ежегодно, как на поисковиках.

Сейчас моя скорлупка поднырнет под Ганимед, и можно будет поужинать. Одна из сотен вахт закончится как всегда спокойно и скучно. Ну, что поделатъ. Скука – не самое плохое, что бывает в космосе. Работа наблюдателя вообще считается пережитком, делом для пенсионеров, вроде меня. Поисковиками может распоряжаться и искин, но человек все-таки пока еще нужен, на случай нештатных ситуаций. Каковых на моей памяти за все время работы не случилось.

– Справа по борту объект органического происхождения. Я замер. Искины не страдают галлюцинациями.

– Мона, повтори.

– Справа по борту объект органического происхождения.

– Так. Дай изображение.

Размер объекта оказался полкубометра, расстояние от меня до него всего пара десятков километров. Мона просканировала объект и выдала на экран состав: углеводород и его производные – фенолы, альдегиды, кетоны, карбоновые кислоты, жиры, углеводы, аминокислоты, белки...

– Белки, жиры и углеводы? Космос прислал мне конфету? – пробормотал я, не веря, и, пока Мона не прокомментировала, уточнил скорость объекта.

– Скорость объекта тридцать метров в секунду, – ответил искин.

– Километров в секунду? – переспросил я, хотя Мона ни-

когда не ошибалась раньше. Такая скорость кометы или другого природного объекта может быть в облаке Оорта, но не здесь. Гость из Троянского или Греческого пояса астероидов? Нет, не то.

– Скорость объекта тридцать метров в секунду, – повторила Мона.

– Что за... Разверни сеть, команда захват.

Откуда тут сложной органике взяться, даже представить себе не могу. Осколок ледышки, которую выплюнул Ганимед во время одного из извержений? Но сложная органика – это сюрприз. И, возможно, хорошие премиальные, потому что кроме простейших анаэробов Европы ни на одном из спутников Юпитера пока еще ничего не нашли. Я вглядывался в изображение объекта, и единственное, что приходило мне в голову – это большая картошка. Нечто похожее на удлиненную картофелину, но поверхность ее была словно скукоженной, запекшейся, со сложным рельефом, но без выдающихся частей.

Скорее всего, это просто подгоревший бак с отходами. Борты растворяют мочу, кал, волосы, прочий мелкий мусор, который неизбежно производит человек, и сухие остатки прессуют в брикеты, а брикеты складывают в специальный бачок. В конце вахты бачок в трех точках приваривается прямо к корпусу снаружи и, когда борт входит в плотные слои атмосферы планеты, бачок просто сгорает вместе с защитным покрытием обшивки. А этот бачок, похоже, или

приварили наспех, и он отошел от обшивки, или вообще приварить забыли. Мне до него особо дела нет, но все равно непорядок. Приварю к своему борту, незачем мусору на орбите болтаться.

Искин сделал маневр, Ганимед на экране провалился мне под ноги и тяжело всплыл с другой стороны. Отстрел гарпуна с амилиновой сетью я не почувствовал, но Мона доложила, что объект захвачен и через десять минут будет принайтовлен к корпусу борта.

– Рекомендую пройти в скаф, – сказала Мона.

– Зачем еще? – возразил я.

Мне вовсе не хотелось лезть в саркофаг, как мы его называли. Скаф это борт в миниатюре, с полным жизнеобеспечением и возможностью введения пилота в анабиоз. В нем и не сторишь, и не утонешь, и мелкие метеориты ему нипочем, равно как радиация в десять зиверт и давление в сто бар. Но использовался он только в редких случаях высадки на поверхности планет. В особо тяжелых ситуациях он становился саркофагом – без посторонней помощи человека или искина выбраться из него невозможно. Процедура активации скафа, тестирования систем, подключения нейрошунта, и все такое прочее была нудной и занимала далеко не пару секунд. Мне было просто лень туда залезть из-за какой-то картошки, зачем, в самом деле? Но я привык доверять Моне и, ворча и поругиваясь, полез в скаф, прихватив с собой упаковку супа и палочки. Скаф активировался, но подключить нейро-

шунт я не успел, потому что борт за моей спиной вдруг взорвался: его что-то пробило. Искусственная гравитация пропала, освещение внутри бота и связь с Моной тоже исчезли. Это означало одно: токамак борта сдох. Это было невозможно, но глаза и вестибулярный аппарат меня не обманывали. Обернувшись внутри скафа, я завис в метре от пола. За люком скафа, внутри бота, висел *жонглер*.

Он был точно таким, каким я видел его в записи: полутораметровая сфера, состоящая из множества желто-оранжевых шариков плазмы, но скорее это были не шарики, а торы: в центре каждого было что-то вроде маленькой дырочки, как в пончике. Шарики хаотично двигались во все стороны, будто плавали в кипящей воде, но передвигались вверх-вниз-вправо-влево-вперед-назад всего на пару сантиметров, не больше, и сферический общий строй не нарушали.

Несколько секунд я провел в ступоре, уставившись на жонглера и обливаясь потом. Он тоже не двигался. Еще через пару секунд несколько шариков оторвались от сферы, медленно подлетели к скафу, повисели у люка, потом вернулись в строй большой сферы.

Это конец, подумал я. Ужаса я не чувствовал, злобы на гостя тоже не было, была тоска и недоумение: откуда он взялся? Спустя еще несколько секунд, глядя на пылающий в крошечной тьме оранжевый шар, во мне вспыхнула надежда: а может, обойдется как-нибудь? Может, жонглер просто исчезнет, ничего больше не повредив и не тронув меня? Зачем

я ему, в самом деле. Главное, не делать резких движений, замереть, может, и пронесет. Он же просто явление природы, думал я, беспомощно глядя на поддрагивающую оранжевую сферу.

– Не надо... – сказал я тихонько, – Фу, нельзя!

Сфера остановилась на несколько мгновений и вдруг рванула к стене скафа и прошла сквозь нее, как горячая ложка проходит сквозь сливочное масло. Тут же грохнуло, и меня вынесло наружу воздухом, вырвавшимся из скафа. Я стал первым человеком, вышедшим в открытый космос в тоненькой амилиновой спецовке, заменяющей нижнее белье – штанах с носками, похожих на детские ползунки, и в рубашке с капюшоном и перчатками.

В момент, когда меня вынесло за борт, я инстинктивно задержал дыхание. Глаза тут же налились слезами, кожу лица обожгло и натянуло. Я стиснул губы, но вакуум проник в нос, и я почувствовал, что у него вкус барбекю. Никогда раньше не предполагал, что нос как-то связан со вкусом. Будь я обычным человеком, мне бы оставалось жить три минуты максимум, потом я неизбежно сделал бы вдох, и на этом все и закончилось. Но я умею задерживать дыхание почти на пятнадцать минут, потому что я родом из морских цыган – баджао, и занимался в молодости дип-дайвингом. Разумеется, давно прошло время, когда мы жили в лодках лепа-лепа и занимались морским промыслом, но обычай прокалывать барабанные перепонки и учиться нырять без аквалан-

га на большие глубины у нас остался. В школе меня называли лягушкой, я и правда чем-то похож на это земноводное – темнокожий, невысокого роста, с узкими плечами, широким носом и большим ртом, я никогда не нравился девочкам, но мальчишки не особо задирали меня, потому что мое умение нырять на сорок метров глубины и находиться под водой больше десяти минут вызывало у них уважительную зависть. Сейчас мои способности только оттянут агонию, подумал я. Сквозь слезы я видел удаляющийся борт и плывущего рядом со мной жонглера. Я повернул к нему лицо и про себя крикнул: «Зачем ты это сделал, зачем убиваешь?». Отчаяние душило меня, но злости и ненависти к жонглеру не было. Ненавидеть можно только разумное, желающее тебе зла беспричинно. Сейчас закипит азот в моей крови и все кончится, подумал я.

Через мгновение жонглер оказался рядом со мной, раздулся, вдвое увеличившись в объеме, строй шариков раздвинулся во все стороны и меня втянуло внутрь сферы. Там оказалась какая-то прозрачная то ли слизь, то ли смола, кожу обдало прохладой и теплом одновременно, странное было ощущение, не знаю, как его описать. Я вытаращил глаза, увидев посреди оранжево светящегося шара ту самую картошку, которую поймал сетью и притащил к своему борту. Только теперь она выглядела совсем по-другому: это было какое-то животное. У него было пять пар лап с тонкими пальцами или когтями, я не разглядел, шкура его расправилась, и он смот-

рел на меня. Верхнюю его часть с трудом можно было назвать головой, она мало отличалась от нижней, но в верхней части его было какое-то отверстие со множеством щетинок. Глаз и носа не было, но я знал, что оно меня видит.

Сколько это продолжалось, не могу сказать, но я почувствовал, что кислород у меня закончился и сейчас я вдохну эту прозрачную смолу и захлебнусь. Когда перед глазами поплыли бордовые пятна, я дернулся, подумал про себя с отчаянием «не хочу!». И тут оно, десятилапое, рывком приблизилось, и, едва не выбив мне зубы, протолкнуло мне в горло жесткий хобот, выскочивший у него из щетинистого отверстия. Я забился, как муха в паутине, кроме отчаяния на меня навалился ужас, и тут же схлынул – я дышал. Вернее, дышал за меня он, пассажир жонглера. Я перестал дрыгаться, замер и слегка опьянел от чистого кислорода, который вдувался в меня из хобота. Глотка болела, голова кружилась, и я уже было совсем отчаялся, когда, почувствовав и поняв мое состояние, животина добавила к кислороду азот.

Никто не поверит, но так получилось, что я висел в открытом космосе внутри оранжевого шара, в каком-то киселе, словно эмбрион в теле матери, обнимал мягкого, как шиншила, безглазого пришельца и – жил.

множество, но умники так и не пришли к единому мнению – разумны жонглеры или нет. Кто-то утверждал, что сферические сборища шариков плазмы являются сверхразумом, кто-то доказывал, что это не то, что неразумное, а вообще нематериальное нечто. В любом случае, договориться с ними, войти в контакт или хотя бы как-то противостоять нашествию жонглеров, человечеству не удалось. История эта вроде бы канула в Лету, но, как оказалось, мы рано успокоились. Хотя, вероятнее всего, мой жонглер, сначала едва не убивший меня, а потом спасший мне жизнь, был последним в Солнечной системе, а может, и в нашей галактике. Сейчас я думаю, что это я спас его после какой-то катастрофы, из-за которой он потерял свою огненную сферу и впал в анабиоз, как земные тихоходки. Я подобрал его, бог знает как долго дрейфующего в космосе, и отогрел плазмой, когда пытался приварить его к борту, как бачок с отходами. Он ожил, почувствовал рядом токамак, выгреб всю энергию плазмы из него и из токамака скафа, восстановил форму и решил отправиться восвояси. На меня он обратил не больше внимания, чем я с голодухи обратил бы внимания на мышь, бегущую по продуктовому складу. Возможно, попытайся я как-то защитить себя, проявив агрессию или просто впад в злобу и ярость, он и близко не подошел бы ко мне, и мой труп сейчас дрейфовал бы куда-то в сторону Юпитера, а через годы сгорел бы в его атмосфере. А может, и не сгорел, а так и болтался бы там, страшный, высохший и нелепый в вакууме,

в одном исподнем. Не знаю.

...Все началось незаметно для большинства людей двести лет назад. Сначала пошли в новостях сообщения о появлении шаровых молний тут и там. Разумеется, никто и не подумал беспокоиться по этому поводу. Что мы, шаровых молний не видели? Редкое природное явление, но бывает.

Когда несколько сотен шаровых молний, появившихся буквально из ниоткуда, внезапно атаковали самый большой в Европе токамак, это сочли досадной неприятностью. Решено было разработать и усилить меры защиты, были привлечены крупные ученые, которые дали оптимистичные прогнозы и совершенно невнятные ответы по поводу случившегося. Токамак разогнали заново, запустили, и тут же признались в своей беспомощности, когда вторая волна нашествия странных шаровых молний остановила его работу в считанные минуты.

Спустя некоторое время стало понятно, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Из Азии, Африки, Австралии и обоих Америк стали поступать известия о нападениях шаровых молний на токамаки. Даже самым известным ученым эта загадка оказалась не по зубам. Откуда берутся эти молнии, почему их так много, и, самое главное, что нужно сделать, чтобы их атаки немедленно пресечь – все эти вопросы оставались без ответов. Изучать, наблюдать, экспериментировать, предлагалось все, что угодно, кроме действенных мер. Энергетика, а с ней почти все сферы жизни челове-

ства встали колом. Возникло мнение, что некто (кто и как?) управляет этими нападениями, правда, совершенно непонятной была цель этих нападений. Началась паника. Сначала очаговая, потом полыхнуло по всему цивилизованному миру. Как обычно, обвиняли непонятно в чем, всех подряд: красных, зеленых, исламистов, евреев и даже геев. Выплеснулись на улицы демонстрации с плакатами и бейсбольными битами, требуя от правительств немедленного прекращения сбоев в работе токамаков. Правительства, выступая в сети, делали строгие лица, снижали ставки по кредитам, обещали увеличить налоговые льготы и провести переговоры, не уточняя – с кем. Недоумение и недовольство росли. Спешно были расконсервированы старые атомные электростанции, гидроэлектростанции и даже пару ТЭЦ, работавших когда-то на угле и торфе, словом, в ход пошло все, что могло хоть как-то компенсировать остановку токамаков.

Странной особенностью шаровых молний было их возникновение из ниоткуда и исчезновение буквально в никуда. Ни ракета, ни лазерный луч, ни пуля не могли попасть в цель размером с мандарин, летающую к тому же с непредсказуемой траекторией и запредельной скоростью. И, в то же время, возникало ощущение, что этими шариками действительно кто-то управляет, как люди или искины управляли дронами. Все нападения на токамаки были стопроцентно результативными. Но чего добивалась эта «огненная саранча», как окрестили ее кликуши-проповедники разнообраз-

ных религиозных сект, оставалось необъяснимым. Понятно было одно – шаровым молниям нужна плазма. Зачем, это другой вопрос. Теорий и предположений было много, и все никуда не годились. Планы и проекты по борьбе с молниями сводились к тому, что злодея, жонглера, управляющего этими шариками-молниями, надо найти и покарать немедленно. Но кто или что было этим злодеем? Природа? Инопланетяне? Сосед? Большие люди разводили руками и делали успокоительные пассы.

И тут не выдержал Пакистан. Никто этого не ожидал, но что случилось, то случилось: рядом с Мумбаи и Калькуттой приземлились ядерные боеголовки мощностью, эквивалентной десяти килотоннам тротила. Индия тут же дала сдачи и тоже ядерным оружием. На границе от Лахора до Амритсара началась лютая средневековая поножовщина и мародерство... Впрочем, продлилось это недолго, полиции и военным с помощью беспилотников, распылявших успокоительные смеси, удалось прекратить безобразия в течение суток. Как позже утверждали правительства обеих стран, причиной ядерной драки стали все те же Кашмир и Бангладеш, но обе страны подозревали друг друга в терроризме, который проявлялся во вредительстве на токамаках.

По всем каналам, государственным и частным, показывали то, чего не должно было быть в цивилизованном мире. Призраки Хиросимы и Нагасаки встали над Землей и мир ошеломленно замер. Никто не вмешивался в конфликт и не

выступал ни с поддержкой, ни с осуждением. В Пакистан и Индию полетели со всех сторон эшелоны с гуманитарной помощью и миротворческие войска, а оттуда – беженцы. По миру понеслись новые демонстрации. Теперь протестующие требовали мира во всем мире, громя аптеки, продуктовые склады и ювелирные магазины. Все было бы так, как это всегда бывает в случаях локальных войн, если бы не один момент: в пострадавшие города слетелись миллионы шаровых молний.

Людам, чудом уцелевших на окраинах радиоактивных развалин, было не до них. Но ученые, наблюдавшие за роем оранжевых шариков над погибшими городами, спустя пару месяцев разродились сенсацией: радиоактивная местность полностью дезактивирована. Вот прямо сейчас поезжай туда, сгребай развалины бульдозером и строй города заново. Радиоактивный фон не превышает норму. Одного из высоколобых после такого заявления на полном серьезе проверили на шизофрению, другого зачем-то посадили под домашний арест, третьего хотели публично линчевать, но он успел вовремя спрятаться. Спустя еще месяц сенсация подтвердилась – радиоактивного заражения в районах, подвергшихся ядерным ударам, действительно нет. Это напугало людей еще больше, чем нашествие шаровых молний. Не бывает так, невозможно ведь. Тут уже не силы природы, а просто черт знает что...

И одновременно выяснилось, что активность «огненной

саранчи» заметно снизилась. Ни один из токамаков за последние два месяца не был остановлен, шарики-молнии также появлялись и исчезали, но теперь, похоже, перестали интересоваться токамаками вообще. Еще через месяц молнии поднялись в стратосферу и сбились там в небольшие оранжевые сферы, все еще слишком маленькие для того, чтобы пытаться уничтожить их прямой наводкой. Впрочем, и эти попытки были бы безуспешными, в случае приближения к ним ракет, сферы просто рассыпались на множество шариков, которые потом собирались обратно уже на значительном расстоянии. Со спутников передавали картинку их роения, но понять, что это значит и что за этим последует, по-прежнему было невозможно. Сферы стали называть *жонглерами* и просто наблюдали за ними на почтительном расстоянии. Несколько жонглеров было обнаружено на Луне. Они покрутились вокруг токамака, наведя панику среди персонала станции, но, вопреки ожиданиям, токамак продолжал работать без перебоев.

А потом они исчезли, все разом. На одной из записей было хорошо видно: жонглер, покрутившись на месте, как это делают собаки, прежде чем улечься, вдруг замер и исчез. Никаких световых и шумовых эффектов не было, хотя если что-то мгновенно исчезает из пространства, должен был быть слышен звук удара от схлопнувшегося воздуха.

Человечество, выждав еще некоторое время, облегченно вздохнуло и, утерев хладный пот со лба, принялось жить как

раньше, в делах и заботах. Говорить о нашествии молний стало неприлично, как об излечении сифилиса. В учебники истории кратко, в один абзац, внесли упоминание об аномальной солнечной активности, вызвавшей внезапное появление шаровых молний и их исчезновение, и еще два абзаца отвели под Индо-Пакистанский конфликт...

В школе история была одним из моих любимых предметов, я всегда старался найти дополнительный материал по каждой теме, но кроме скудной выкладки в Мультимедии с несколькими закрытыми ссылками и трех коротеньких видео с жонглерами, ничего не нашел. Пришлось довольствоваться общепринятым мнением и, если честно, надолго забыть об этом уроке.

Но сейчас пришлось вспомнить.

3

Планета, где меня выпустил жонглер, вращалась вокруг тусклого оранжевого карлика на расстоянии, достаточно удаленном, чтобы не попасть в приливной захват звезды и обуглиться с солнечной стороны и покрыться корой льдов с обратной, но, в то же время, не слишком далеко, чтобы стать холодным безжизненным камнем. Кислорода здесь было достаточно, но все-таки меньше, чем на Земле, и во время моих прогулок мне часто приходилось отдыхать. Из-за наклона оси планеты в сорок градусов климат ровный, по крайней

мере, в том районе, где я оказался. Спутников у планеты два, одна маленькая луна, имеющая круговую орбиту, а вторая побольше, приближающаяся и удаляющаяся раз в две земных недели.

Мхи, хвощи и папоротники, высотой до десяти метров, покрывали огромные долины и холмы между глубокими озерами-морями. Царство лишайников, грибов, водорослей, беспозвоночных. И все – темно-зеленого, траурного цвета. Крупные хищники на планете отсутствовали, хотя некоторые моллюски и псевдо-головоногие во время приливов выбирались на сушу для охоты. Насекомые мне не особо досаждали, в отличие от земных, в большинстве своем кровососущих и крылатых, здешние научились летать, надувая теплым газом брюшко, и передвигались в воздухе в основном по вертикали, объедая плауны и папоротники у берега. В воду я не совался, и что там, в глубине, не знаю до сих пор, хотя времени с моего прибытия сюда прошло немало.

По моим прикидкам, тут был поздний кембрий, или ордовик, точно не скажу. Но динозавров точно не было. Оранжевый карлик – светило вялое, у него в запасе гораздо больше времени, чем у нашего Солнца, может, когда-нибудь биота планеты и поменяется. А пока главные способы защиты и нападения тут не панцири и клыки, а электричество и изоляция. Почти все здешние твари сродни нашим электрическим угрям – живые батарейки, некоторые весьма мощные. Убить меня они не могут, но пару раз, пытаясь напиться воды из

озера, я получал настолько чувствительные удары током, что перешел на водянистый сок растений, не рискуя залезать в воду. Впрочем, амилин был хорошим изолятором, без спецовки я бы уже давно стал чьим-то ужином, поджаренным вольтовой дугой.

Днем поверхность планеты удручала тусклыми, темными цветами, а ночью преображалась настолько, что я часами глазел вокруг себя, забыв про свое отчаянное положение. Биолюминесценцией тут обладали не только насекомые, но и грибы, и растения. Все расцветало неоновыми красками, сияло, искрилось и переливалось. То ли рождественская ярмарка со множеством елок, то ли ночной клуб. Феерия света, потрясающее зрелище. Если бы я мог видеть в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазоне, думаю, я был бы восхищен еще больше. По-видимому, местная живность видит электрические и магнитные поля, и я им немного завидую, потому что мое зрение все-таки не для этого мира.

Выпустив меня на поверхность, мой жонглер подлетел к листу растения, похожего на папоротник, только с толстыми, мясистыми листьями, проколол его хоботом, постоял недолго рядом и, насытившись, улетел, оставив меня одного. Я тогда просидел несколько часов на корточках, обняв колени, почти не шевелясь, потому что не понимал, что мне теперь делать и как вообще жить дальше. Потом я не выдержал и, подбравшись к проколотому листу, из которого еще вытекал сок, напился этого сока.

Меня мучила изжога и отрыжка, тошнило, пучило, рвало и несло три дня, я чуть не умер от голода и обезвоживания, почти все время валяясь под этим папоротником на моховой подстилке и заставляя себя спать как можно чаще и дольше, но, в конце концов, мучения мои, хоть и не сразу, прекратились, и я смог питаться густым соком растений, просто протыкая листья пальцами и собирая сок в пригоршни. Вероятно, с помощью геля жонглера, которым я измазался во время путешествия сюда и попавшего внутрь моего тела через рот, микрофлора моего кишечника как-то приспособилась к местной органике, и я понял, что, в принципе, выжить тут можно.

Иногда мне очень хотелось жареного или вареного мяса, но я не рисковал охотиться на многоножек и червей. Хотя и нашел способ получать белок: поймав одну маленькую двухвостую тварюшку, которая между хвостами, как между электродами, выдавала разряд, я с ее помощью поджарил дохлого червя. Осторожно посадив свою живую батарейку на ближайшую листовку и дождавшись, когда насекомое уползет подальше от меня, я осмотрел свое новое горячее блюдо. Бифштекса, конечно, не получилось – там, где разряд прикоснулся к тушке червя, мясо сгорело до углей, а концы остались сырыми, но некоторая часть мяса все-таки пропеклась, и мне его хватило, чтобы немного разнообразить свою растительную диету. Было невкусно, пресно без соли и специй, но все же лучше, чем ничего. Потом я не раз еще так

делал и даже наострил себя регулировать силу разряда, поглощая двухвостку по брюшку.

Мой жонглер пару раз наведывался ко мне, по крайней мере, мне казалось, что это именно тот, который притащил меня сюда. Но близко он не подлетал, а так, на пару минут зависал надо мной, растянув сферу, а потом стягивал ее и удалялся куда-то на запад. Я научился отличать его от других жонглеров по короткому хоботку и манере складывать на брюшке среднюю пару лап и постукивать когтепальцами одной лапы по другой, как это делают иногда люди, когда задумываются о чем-то. Я не знаю, чего он хотел, он просто находился рядом некоторое время, потом улетал. Другие жонглеры тоже останавливались надо мной иногда поодиночке, иногда компаниями, но все они немного отличались от моего жонглера, кто размером, кто толщиной светлых линий на шкуре, а в основном поведением – некоторые подлетали поближе, другие держались подальше, кто-то прижимал лапы к телу, как бы с опаской. Но и они, повисев надо мной некоторое время, улетали внутри оранжевых сфер, и я опять оставался один.

Когда наступила первая зима, я впал в отчаяние. Все живое ушло в воду. Жонглеры больше не появлялись. Растения покрылись инеем, мох хрустел под ногами, как битое стекло. Меня уже не радовала ночная иллюминация, я привык к этому зрелищу. В один из дней я стянул с себя штаны, скрутил их жгутом, сделал узел и, закинув получившуюся удавку на

ближайшую листоветку, попытался повеситься. Листоветка, не выдержав веса моего тела, с влажным хрустом обломилась и я шлепнулся плашмя на обледенелый мох, чудом не переломав себе конечности. Лежа под веткой, я заскулил и тут же захлебнулся ликером, который полился мне прямо на лицо. Прокашлявшись и отдышавшись, я кое-как отмылся от липкого сока, тягучей струей лившегося из сломанной листоветки, дрожа от холода, распутал и натянул на себя штаны и, набрав полные ладони сока, выпил. Я понял, как эти мясистые растения переживают зиму – они накапливают глюкозу и этанол, чтобы листья и корни не промерзли и кристаллы льда не разрывали их.

Во время одного из своих «марафонов», когда я целыми днями брел куда глаза глядят, мне попался горячий источник и почти всю зиму я просидел в нем, как японский макак, изредка выбираясь на сушу, чтобы напиться ликера и выкопать какой-нибудь мерзлый гриб. Чтобы не сходить с ума от постоянного пьянства и молчания, я разговаривал сам с собой, пел, вспоминал вслух все, чему учился в школе, видел в стерео, слышал от других людей, что вычитал во время своих дежурств и даже пытался перемножать в уме трехзначные числа. Помогало все это плохо, к тому же ненадолго. Тоска по Земле была иногда настолько нестерпимой, что я плакал, как женщина.

Когда пришла весна, волосы мои уже касались плеч, но борода и усы почти не росли, редкие волоски я просто выди-

рал пальцами. Чтобы справиться свои естественные надобности, я забирался на листоветку поближе к стволу, потому что стоило мне присесть на земле, как тут же, идя на запах, из земли выкапывалось что-то живое и пыталось съесть отходы моего тела, иногда осторожно пробуя на вкус и меня. Это было не смертельно, но противно. Со временем я научился жить, почти не спускаясь с ветвей папоротников, как Тарзан. Жонглеры иногда все еще зависали надо мной, но я больше не махал им руками и не кричал «Заберите меня отсюда!», а только с грустью провожал их глазами, когда они улетали.

Заложников пытаются на что-то обменять, рабов заставляют работать, над подопытными животными проводят опыты, врагов убивают, друзей развлекают, а на меня просто тарасились, как в зоопарке. Скорее всего, меня изучали, но бесконтактными способами. Может, как-то просвечивали, вроде рентгена или магнитного резонанса, фиксировали мои реакции на окружающее, брали какие-то анализы, когда я спал, не знаю. Здешние твари, кстати, не спят. Похоже, ежедневный сон – сугубо земная особенность.

Ни на какие мои попытки наладить общение жонглеры не отвечали. Я подбирал опавшие листоветки и складывал их в простейшие арифметические знаки, выкладывал из них схему ДНК, схему Солнечной системы, много чего пробовал делать, но все без толку. Они, похоже, общались каким-то другим способом. В телепатию я не верю, но, возможно нечто вроде радиоволн или какой-то другой, недоступный

мне, способ общения они явно использовали. Один раз я видел, как в небо поднялись миллионы жонглеров и отвели от планеты то ли астероид, то ли комету, еще на подлете. Я был потрясен.

У меня не было возможности даже развести огонь, я не знал, как это сделать без сухих листьев, кремня или лупы, и все мои попытки использовать двухвосток в качестве зажигалки провалились. Сырые мхи и сочные листья не горели, только коптили, а ловить более крупных тварей с сильными зарядами я боялся, не хотел рисковать жизнью. Да, человек, который полгода назад пытался повеситься, боялся теперь умереть от удара током, представьте себе. Возможно, потому, что я все-таки надеялся найти с жонглерами какой-то общий язык. Существа, управляющие плазмой и небесными телами, должны быть все-таки разумными, хотя и выглядят как животные. Должны у них быть где-то города или что-то вроде того.

Однажды, забравшись с риском для жизни на самую верхушку древовидного папоротника, я увидел на горизонте огромное строение. Впопыхах спустившись, я почти неделю по земному времени добирался до него, но оказалось, что это был огромный строматолит, выросший на дне мелкого теплого моря – холм, порожденный цианобактериями и водорослями. Я разочарованно обошел его полукругом, не сильно заходя в воду, но признаков хоть какой-то технической цивилизации не обнаружил. Это был просто холм, который

никогда не использовался в качестве укрытия, жилья или мастерской. И я бы, наверно, все-таки умер от цирроза печени, впад в запойное пьянство в следующую зиму, если бы не нашел Тоту.

4

Я валялся в зарослях гигантского мха и глазел сквозь листоветки на густые облака, мчащиеся в желтом небе. Мне не было холодно, потому что амилиновая спецовка позволяла не чувствовать холода или жары в диапазоне от минус до плюс шестидесяти по Цельсию. Есть мне не хотелось, пить тоже, чем себя занять сегодня, я не знал. Глянув на датчики температуры воздуха, земного времени и показателей моего тела на рукаве спецовки, я подумал, что после моей смерти амилиновая тряпка еще долго будет высвечивать эти бесполезные числа и значки. Атомная батарейка почти вечна, в отличие от меня. Лето закончилось, осень уже покусывала холодными ветрами и первым инеем. Стыдно признаться, но я с нетерпением ждал зимы, и иногда протыкал пальцем листоветки папоротника, проверяя сок на содержание спирта. Но «бар» пока не открылся. Ничего, я дождусь. Когда валяться надоело, я побрел к берегу, рассчитывая поймать двухвостку, чтобы нажарить себе грибов. Некоторые из грибов, которые я наугад пробовал, оказались не просто съедобными, а даже вкусными, и я хотел съесть их в жареном виде. На

берегу, метрах в пятидесяти от меня, я заметил жонглера и удивился – они почти никогда не выходили из своих оранжевых сфер на открытых местах, да и вообще покидали сферы нечасто. Спрятавшись за кустом, я наблюдал за тем, что он делает.

Сфера сначала растянулась во все стороны, и стало видно, что оранжевые шарики плазмы держат форму шестигранных сот. Жонглер оставался на черном песке и как-то странно возился. Я подобрался поближе, чтобы лучше видеть происходящее. Тело жонглера конвульсивно сжималось и растягивалось, шарики держали широкий строй, и я не мог понять – что значит вся эта пантомима. Он заболел и умирает или исполняет какой-то ритуал?

И тут жонглер раздвоился. Я медленно, ползком подобрался к нему почти вплотную, метров на пять, не больше, и понял, что стал свидетелем родов. Тело родительницы сдулось, обмякло, повисло складками и потускнело, а два новорожденных блестели тугими боками, белые кольца ярко выделялись на их шоколадно-коричневой шкуре, и они, вытянув хоботки, принюхивались к пучкам мха на берегу. Наконец, детеныши бодро засеменили прочь от воды и шарики, разбившись на две части, стянувшиеся в сферы, эскортом двинулись за ними. Когда детеныши, проколов хоботками ветколист, насытились, шарики сомкнулись вокруг них вплотную и жонглеры улетели. Родительница осталась на берегу одна.

Я подождал еще немного, ожидая, когда шарики вернуться за родительницей, но прошло полчаса, а никого не было. Странно, подумал я. Уже начинается прилив и роженице не поздоровится – на мелководье полезут хищники и сожрут ее как сардельку. Возможно, они решаются на рождение потомства в конце своей жизни и сейчас я буду наблюдать естественное ее завершение. Я уселся на песок и стал ждать. Мне почему-то неприятно было думать, что мамашу могут съесть, пока она еще жива, и приготовился отгонять хищников от нее, пока она спокойно не умрет. Но прошел час, а смерть все не наступала. Вода прибывала на глазах и, не выдержав, я встал, подошел к вяло шевелящемуся в водетельцу и, осторожно взяв жонглера под брюхо двумя руками, понес ее к папоротнику, у которого недавно кормились детеныши. Положив ее на мох, я почтительно отошел на пару метров.

Она полежала несколько секунд неподвижно, потом встала на нижние четыре лапы, повернулась ко мне, верхние лапы вдруг сложила на брюхе и замерла, медленно похлопывая когтепальцами левой лапы по правой. Я взгляделся в потускневший рисунок ее обвисшей шкуры и вскрикнул: «Это же ты!» Она как-то странно повела головой по сторонам, как слеполухой, который не видит и не слышит, но чувствует движение воздуха и пытается понять – что это делается рядом с ним. Я снова взял ее на руки и, поднеся к ветколисту, погладил по голове, приговаривая «попей, попей, тебе

надо наверно». Она мягко высвободилась, постояла, будто раздумывая, и, тяжело развернувшись, пошла в сторону берега, медленно переставляя лапы. Не хочет, сказал я сам себе озадаченно, и пошел за ней. Умом я понимал, что вмешиваюсь в процесс, о котором совершенно ничего не знаю. Может, после родов, передав плазменные шарики наследникам, они проходят через метаморфоз, становятся морскими животными и уходят жить в океан. А может, просто погибают во время прилива именно так, как я и думал – ее должны сожрать. Но для меня эта мысль была невыносима. Я так устал от одиночества, что рад был даже этой животине и готов был помогать ей выживать, лишь бы снова не оставаться одному. Я взял ее на руки и пошел прочь от берега.

Так я стал нянькой-компаньоном старого жонглера, лишившегося своей «огненной саранчи», служившей ей защитой, домом, средством передвижения, общения и бог знает чего еще.

5

Я никогда не общался со слепоглухонемыми людьми, а уж с не-людьми тем более, потому многое мне пришлось выдумывать самому, на ходу.

Начали мы с того, что однажды вечером, накормив Тоту, как я ее назвал, я дал ей в лапу камешек. Она замерла, пытаясь понять, зачем я это сделал, и тогда я дал ей в другую

лапу два камешка, в третью – три, в четвертую – четыре. Тота, подержав камешки в лапах, сложила их горкой и вернула мне один, потом три, потом пять камешков. Я продолжил игру, вернув ей семь штук и ждал, что она вернет мне девять, подразумевая ряд нечетных чисел, но она вернула мне одиннадцать. Ага, понял я, простые числа. Я сходил на берег и, набрав там еще камешков, дал Тоте тринадцать штук, потом семнадцать. Она сложила их кучкой перед собой, положила отдельно два камешка, обвела их кругом и положила рядом четыре. Я взял три камешка, лапой Тоты обвел их кругом и положил рядом шесть камешков. Потом ткнул внизу под кругом точку и добавил еще три камешка, всего получилось девять. Это было возведение в степени... Таким образом мы добрались до логарифмов, но когда дело дошло до высшей математики, разговор застопорился, потому что она начала показывать мне то, что я не понимал, к обоюдному огорчению.

Огорчение она показывала мне телом, так же, как и я – нужно было сесть, ссутулившись, свесив руки или лапы и сцепив кончики пальцев или пальцекоготков. Радость и удовольствие мы показывали друг другу тоже одинаково – я выпрямлялся, два раза легонько хлопал и два раза поглаживал ее по тому месту на теле, где росли верхние лапы, а она проделывала то же самое с моим плечом, когда я сидел, или с моей поясницей, если я стоял, потому что выше не дотягивалась.

Потом мы перешли к еде, воде, растениям, насекомым и так далее. Я использовал для этого нечто похожее по смыслу на смесь азбуки Морзе и алфавита Брайля. Трудно пришлось с отвлеченными понятиями, но я не торопил ее, пока меня устраивало наличие понятий «хорошо» и «плохо».

Когда наступила зима, Тота, как мне показалось, заболела. Она отказалась от еды, уменьшилась в размере вдвое и покрылась густой вязкой слизью. Я с тревогой наблюдал за ее состоянием и порой тормозил ее, пытаясь понять жива она или нет. Каждый раз ее неподвижность пугала меня до боли в сердце, и каждый раз, ощутив слабенькое пожатие ее лапки, я облегченно выдыхал, легонько отстукивал по ее спине «хорошо» и на некоторое время оставлял ее в покое. Впрочем, поначалу ее так же беспокоило, когда я засыпал, но потом она поняла, что для меня нормально на несколько часов оставаться неподвижным и не идти на контакт. Наконец, когда стало по-настоящему холодно, Тота свернулась колечком, слизь, покрывавшая ее тело, загустела как воск, и, из последних сил простукав по моей ноге «спать», она замерла, крепко прижав лапы к животу и став похожей на ту «картошку», которую я когда-то подобрал у Ганимеда. Я понимал, что сейчас ничего не надо делать, но все-таки набрал кучу гнилых ветколистьев и насыпал их поверх Тоты, не забыв сделать воздуховод в этой куче.

Как и в прошлую зиму, я почти все время сидел в горячем источнике, напивался, но уже не так отчаянно, как раньше,

и частенько приходил к Тоте, просто посидеть рядом с ней. Пускай она сейчас не могла разделить со мной обед или поболтать о чем-нибудь, но одна мысль о том, что у меня теперь есть кто-то, кому я нужен, уже делала меня если не счастливым, то, по крайней мере, спокойным, и придавала мне сил и надежду на то, что, когда Тота выйдет из спячки, все будет хорошо. Как именно будет хорошо, я не знал, но надежда на это у меня появилась благодаря Тоте.

Но надежды мои не оправдались. Когда пришла весна, Тота не проснулась.

Я долго ждал, когда она очнется, потом, не выдержав, раскопал истлевшие листья и вытащил тельце Тоты на свет. Воск с ее шкурки осыпался, она вытянулась и не шевелилась. Я отнес ее к воде, подумав, что, возможно, купание поможет ей очнуться. Но, искупав ее и положив на теплый песок, через некоторое время я почувствовал запах гниения. К ее тельцу потянулись мелкие насекомые. Я сел рядом с ней и заплакал. Потом, умывшись и отогнав насекомых, поймал двухвостку и попытался сжечь останки Тоты. Ее шкурка горела плохо, сжималась, как целлофан, коптила и дымилась. Тогда я отнес ее в лес и, выкопав яму, похоронил. Просидев рядом с могилкой, я встал и пошел куда глаза глядят. Глаза мои глядели на закат, и я опять оказался на берегу озера.

Я бездумно кидал в воду камешки и думал о том, что я никогда отсюда не выберусь и что жизнь моя мало отличается от существования животного. Есть, спать, бродить по

окрестностям, вспоминать свое небогатое событиями прошлое, вот, собственно, и все, что мне остается, потому что прекратить это насильственным путем у меня не хватает силы воли.

Я приходил на берег еще несколько дней подряд, вспоминал наши с Тотой «уроки», спал, тосковал. Сам не знаю почему, но меня тянуло туда, где я, пусть ненадолго, но нашел хоть какое-то подобие общения. Одиночество хорошо, если ключ в воображаемой двери вставлен с твоей стороны, тогда оно называется – свобода. Но если у тебя нет возможности открыть эту дверь и выйти, тогда свобода становится мучительным пленом.

Однако, тосковать мне пришлось недолго. К счастью, местный год тут почти в три раза короче земного, и уже через пару месяцев, в конце лета, я опять стал свидетелем родов. Причем, на этот раз, рожениц было две. Первый жонглер приземлился для родов неподалеку от того места, где это сделала Тота прошлым летом, второй – чуть подальше, метрах в двадцати от первого.

Как и тогда, новорожденные жонглеры улетели, оставив мамаш на берегу. Сначала я не хотел подходить к ним, потому что понимал, что спасать их бесполезно, они все равно умрут, не сейчас, так зимой. Но я не мог заставить себя просто уйти. Они были живы, и я не хотел видеть или просто знать, что, когда я уйду, их сожрут или они просто утонут. Я так не мог.

Подобрав первого жонглера, я удивился, когда понял, что он пытается защищаться – он несколько раз довольно чувствительно ткнул меня хоботком в руку и, если бы хоботок не был тупым и коротким, видимо, стершимся от старости, он проткнул бы мне ладонь, как шилом. Я, как мог, успокоил жонглера, осторожно поглаживая ее по спине. Она извивалась, пытаясь вырваться из моей руки, скребла по рукаву моей спецовки когтепальцами, но силы были неравны, и вскоре она смирилась со своим положением. Тогда я пошел и подобрал второго жонглера и отнес их обоих к папоротнику, чтобы они поели.

К моему удивлению, они никак не пытались общаться между собой и вели себя так, словно узнали о существовании друг друга только что. Мне казалось это странным, потому что раньше, наблюдая за жонглерами, летающими в сферах, я видел, что они действуют всегда очень слаженно и даже осмысленно. Но, зная, что скоро придет зима, и у меня останется совсем мало времени до того, как они уснут навсегда, я начал общаться с ними, как прежде с Тотой.

С Гутой и Бедой мы прошли путь от подсчета камешков до «хорошо» и «плохо» в два раза быстрее, чем это было с Тотой. Бедой я назвал ту, что пыталась кусать меня, а Гутой вторую. Да, у них были разные характеры, и, если бы они были людьми, я бы сказал, что они были личностями. К каждой из них нужен был свой подход. С Гутой мне было легко, она была покладистой и дружелюбной. С Бетой было сложно, она

частенько садилась в позу «отстань», замыкалась в себе, но, когда была в хорошем настроении, находила способы донести до меня информацию так, что я понимал ее быстрее, чем Гуту. И еще у нее было чувство юмора. Могу поклясться, что несколько раз она насмешила меня специально. И, чувствуя, что я смеюсь, похлопывала меня по колену знаком, который мы определили как «смешно». В человеческом понимании они были слепы и глухи, но, похоже, каким-то способом видели электрическую активность моего мозга и реагировали на нее.

Прежде чем наступила зима, мне удалось выяснить поразительную вещь – жонглеры бессмертны. Если я правильно понял своих новых компаньонов, то жонглеры обладают наследственной, генетической памятью. Они размножаются с помощью партеногенеза: молодые особи являются клонами родителя и наследуют все навыки, опыт и даже характер родителя. Как именно они приручают плазменные шарики и увеличивают их количество, я не понял. И понять, на чем основан этот симбиоз, кто их них ведущий, а кто ведомый, я тоже не смог. На этой планете много таких мест, как на Земле у озера Маракайбо, где молнии бьют непрерывно, и, похоже, именно там жонглеры и пополняют поголовье своих шариков. Или договариваются о совместном существовании. Но как именно они это делают, для меня так и осталось загадкой. Я боялся подходить близко к тем местам, для меня это слишком опасно.

Раз в три местных года каждая особь рождает двух наследников, но детеныши на самом деле не детеныши, а те же самые жонглеры, только с молодым и здоровым телом. Молодые помнят все, что происходило с родителем до момента разделения, и продолжают жить так, будто прошли через линьку, а не через процесс родов. Получается, никто из них не знает, что такое смерть, в их памяти просто нет этого момента. Новые особи расстаются с родительницами, как со сброшенной оболочкой, и продолжают жить внутри сфер из шариков, общаясь с остальными жонглерами и занимаясь какими-то своими делами. Участь родительниц остается незавидной – быть сожранными мелководными хищниками. Они проводят оставшиеся минуты, часы, дни – кому как повезет – в полном одиночестве, в глухоте и слепоте, потому что теряют способность общаться с родичами тем способом, который был им доступен раньше, при наличии сферы из плазменных шариков.

Я понимал, что вожусь со стариками зря, они не смогут передать опыт общения со мной своим наследникам, но все-таки это общение стало для меня смыслом моей теперешней жизни. Я просто не мог быть один на этой чужой планете.

Незадолго до наступления зимы Гуту сожрала сороконожка. Я спал в это время, а когда проснулся, обнаружил рядом с собой беспокойно перебирающую лапами Беду и выеденные изнутри останки Гуты. Сам не понимаю, как я не проснулся, когда тварь подобрался к Гуте, но теперь уже было позд-

но сожалеть. Я пытался ее похоронить, но Беда дала мне понять, что останки Гуты надо отнести к воде, что я и сделал. Я оставил ее на мелководье, взял на руки Беду и ушел, не оглядываясь. Через несколько дней Беда покрылась слизью, и я понял, что до следующей осени опять останусь один. Но теперь я знал, что в конце лета снова пойду на берег и, возможно, осень будет не такой уж плохой.

Зима прошла, за ней весна и лето, и у меня появились новые компаньоны – Вайт, Блэк и Рэд. Я подумал, что справлюсь теперь с тремя стариками, а может, даже и с большим их количеством, но удалось найти только троих. Водоемов с мелководьями на этой планете множество и, скорее всего, жонглеры прилетают рожать или линять каждый на свое давно облюбованное место. Я уже был опытной нянькой и общение с моими подопечными было мне в радость. О том, что скоро я сам состарюсь окончательно и мне самому, возможно, понадобится чья-то помощь, я старался не думать.

Несколько раз я замечал, как над поляной, которую я попытался обустроить как богадельню – расчистил от растений, и хорошенько утоптал грунт, чтобы черви, скорпионы и сороконожки больше не могли подобраться к нам незаметно – зависал один из жонглеров, будто разглядывая происходящее, но, когда он улетал, я чувствовал облегчение. Лети себе по своим делам, думал я, не вмешивайся. Но однажды он вмешался.

Зависшая над поляной сфера разошлась, из нее выбрался

на мох жонглер и осторожно подошел к нам.

Мои подопечные не отреагировали на него никак, а я напрягся, словно школьный учитель, в класс которого вдруг заявила комиссия из министерства образования. Я сел на песок, поджав ноги, и стал ждать, какие действия предпримет незванный гость. Но он тоже уселся в трех шагах от нас и замер, сложив лапы на брюшке. Некоторое время ничего не происходило. Я ждал, и он ждал. Но, потеряв наконец терпение, гость пошевелился и начал постукивать когтепальцами левой лапы по правой, и тут до меня дошло – это Тота. То есть, ее детеныш. То есть, не детеныш, а именно она. Черт, я запутался. Словом, это была Тота.

Я обрадовался, вскочил и, подойдя к ней, постучал по ее спине знак «хорошо», забыв о том, что она-то меня не помнит. То есть помнит, но только до момента линьки, когда ее родительница осталась на берегу, а она улетела. Она не могла знать, что значат эти постукивания, поэтому отреагировала так же, как в свое время Беда – отшатнулась и клюнула меня хоботом. Правда, не пробила мне ладонь насквозь, хотя и могла. Скорее, это был предупреждающий жест, мол, не тронь, а то накажу. Опомнившись, я осторожно погладил ее по голове и отошел, усевшись рядом со своими старичками, которые недоуменно вертели головами, не понимая, почему я вдруг ушел.

Я успокоился и решил продолжить то, что называл уроком. В этот день я пытался договориться с моими подопеч-

ными, как обозначить понятия «жизнь» и «смерть». Это было так трудно, что я, сосредоточившись на общении с Блэком, Редом и Вайтом, забыл о том, что на уроке присутствует наблюдатель, и вспомнил об этом только тогда, когда Тота, подойдя ко мне сбоку, похлопала меня по коленке знаком «хорошо». Это было так неожиданно, что я чуть не отпрыгнул в сторону, но вовремя опомнился. Подумав, я ответил ей тем же. Она, еще раз выразив одобрение, улетела, но с тех пор ее появления на уроках я стал ждать с нетерпением. И каждый раз по-настоящему радовался, когда убеждался, что это именно она, а не кто-то другой. У меня появилась надежда договориться с дееспособными жонглерами, доказать им, что я не животное, а некто, обладающий разумом, и, чем черт не шутит, уговорить их вернуть меня на Землю.

6

Сегодня мне исполнилось семьдесят три года. Моя амилиновая спецовка продолжает показывать земное время, температуру моего тела, частоту пульса, уровень сахара в крови – он выше нормы, потому что у меня начался старческий диабет, много чего еще показывает. Я уже не обращаю на это внимания.

Я опять сижу на берегу озера и опять жду, когда прилетит Тота. Со дня на день она должна линять. Ее детеныши, как всегда, улетят в сферах по своим делам, а я, как всегда,

останусь с ее оболочкой, как она называет свое старое тело, и продолжу учить и учиться. По сути, мои уроки не что иное, как чистой воды паллиатив... Я знаю, что одна из молодых Тот будет посещать эти уроки. А может, и обе по очереди, я не научился их различать. Я знаю, что их соплеменники считают общение со мной и своими старыми оболочками чем-то несерьезным – прихотью, капризом, даже легкой придурью, как некоторые на Земле относятся к энтузиастам обучения горилл языку жестов.

Мои занятия со стариками чем-то похожи на дельфинотерапию. Ее эффективность на Земле никем не доказана, но, поскольку возня с животным приносит радость детям-инвалидам, то пусть будет, как говорится, чем бы дитя не тешилось. О том, хотят ли сами дельфины заниматься и как они себя чувствуют в изоляции, разумеется, никто из не спрашивает, да и как их спросишь? Они сообразительные, некоторые очень дружелюбные, но всего лишь животные. Есть те, кто против дельфинотерапии, есть те, кто за, потому что это доставляет радость детям, и не важно, какой ценой, большинству это безразлично.

Так получилось и здесь, только в качестве дельфина оказался я, а вместо детей – отжившие свое, обреченные на мучительную смерть старики. Молодым соплеменникам Тоты просто не до них и, тем более, не до меня, хотя они и согласились понаблюдать за мной, просто из любопытства. Мало ли, вдруг люди являются перспективным видом и когда-ни-

будь станут разумными, в их понимании, конечно.

Если я правильно понял Тоту, они пытаются решить проблему тепловой смерти Вселенной. Они хотят сделать процесс расширения и сжатия Вселенной пульсирующим, но не доходящим до крайних точек остывания и взрыва. Они все-речь считают, что это им по плечу...

Несколько лет назад Тота взяла меня внутрь сферы и отвезла к Земле. Она не предупреждала меня о том, что собирается сделать, просто взяла и сделала. Я обалдел, когда сфера раздвинулась и я увидел синее, а не желтое небо, зеленые пальмы, а не черные мхи, папоротники и плауны, и человеческие дома. Тота пошла на снижение, чтобы высадить меня на берегу моря, но я сказал ей «нет». Почему, спросила она. Нет, повторил я, нет, надо вернуться. Она все-таки высадила меня на пляже какого-то острова, но не улетела, а осталась рядом со мной. Ее шарики плазмы повисли над нами светящимся ячеистым куполом. Было рано, около четырех часов утра, и на пляже никого, кроме нас, не было.

Я не мог ей объяснить, что на Земле я теперь чужой. Я не мог объяснить ей, что давно отвык что-то покупать. Тем более, покупать то, что, на самом деле, не было мне жизненно необходимо. И отвык соответствовать чьим-то ожиданиям. И отвык кому-то доказывать, что дееспособен, хотя это было очевидно.

Что меня ожидало бы на Земле? После допросов и попыток выяснить место моего пребывания в последние годы, в

лучшем случае меня упекли бы в дом престарелых. Найти работу, не связанную с моей профессией, мне не удастся. Обучение, стажировка, подтверждение квалификации, повышение квалификации и так далее, все это занимает не один год, а у меня на это нет ни времени, ни сил. Я знаю, что не смогу конкурировать с молодежью и искинами. И на работу в космосе меня больше не примут, я уже слишком стар для этого. Так что, остается дом престарелых. Там будет покой, уход, заслуженное безделье и незаслуженное равнодушие. Нет, стариков на Земле обеспечивают какими-то занятиями, убивающими оставшееся им время. Учат танцевать тех, кто может еще двигаться на своих двоих, учат рисовать, петь, вышивать, клеить поздравительные открытки – во всяком случае, пятнадцать лет назад, насколько я помню, геронтологи пытались вернуть в моду хендмейд, впрочем, без особого успеха. И все это никому не было нужно, в первую очередь, самим старикам. Единственное, что нужно старикам – быть нужными, им жалко, что пропадет все, чему они научились и могут научить. И именно этого они лишены. Потому что их опыт, по большей части, не настолько значим для молодых. Часто его можно записать всего в нескольких килобайтах.

У нас нет наследственной памяти, объяснял я Тоте. Каждый человек уникален, как и каждый из вас, но, в отличие от вас, мы не линяем, а рождаемся, проходим через детство, молодость, старость и потом умираем. Наши потомки – не

наши копии, они совершенно новые существа. Чтобы передать хоть что-то из того, что мы поняли и прочувствовали, мы придумали слова и научились их записывать. Сначала на глине и бумаге, потом на жестких дисках, потом на атомах. Но мысль изреченная есть ложь, и, пожалуй, это единственно правдивое утверждение, Тютчев был прав. Потому что любые словесные рамки калечат смысл и мысль оказывается искаженной. Математические формулы не искажают сути, но все, что делает человека – человеком, искажается неизбежно. К сожалению, у нас нет выбора. Или так, или никак вообще. И, как правило, единственным способом сделать наших потомков настоящими людьми, а не способными к решению интегралов животными, является все-таки не слово, а личный пример. Пример доброты и совести.

Тота выдала мне сложный знак «грусть-недоумение-восхищение».

Я ее понял.

Да, с каждым из наших детей нам приходится проделывать все то, что я проделывал с «родительницами» жонглеров. Каждый раз, с нуля, с подсчета камешков и понятий что такое хорошо и что такое плохо. Терпеливо, долго, очень долго. Зная заранее, что, возможно, ребенок и не поймет многого, а если и поймет, то не согласится, потому что он другой. И, так же как ты, умрет, возможно, не успев передать своим детям хотя бы то, что успел узнать и понять.

А соплеменники Тоты никогда не были детьми, они по-

являются на свет с памятью родителя. И они не знают, что такое старость, потому что родители теряют способность общаться с потомками после рождения-линьки. В этом их беда, в этом их счастье. Они всегда молодые, вечно. У них никогда не будет старости, но и детства в нашем понимании тоже никогда не было, скорее, на заре их эволюции, это было что-то вроде сумеречного сознания. Я им не завидую, не хотелось бы мне стать таким существом. И, по иронии судьбы, именно среди них я оказался на своем месте, почувствовал себя человеком.

Не знаю, пойдет ли на пользу людям общение с этими существами, если когда-нибудь они признают нас разумными и выйдут на контакт. У них есть все, что им нужно, нам нечего им предложить. Торговать с нами им нечем, учиться нечему. За исключением, может быть, милосердия. Только для начала нам самим не плохо было бы этому научиться, избавившись от глупости, злобы, зависти и цинизма.

Я попросил Тоту дожидаться рассвета вместе со мной. Мне очень хотелось увидеть, как встает над горизонтом Солнце, я много лет не видел этого. Незадолго до рассвета загомонили птицы, и я слушал и смотрел, как будто в первый раз, запоминая звуки, запахи, цвета. Это был мой мир, но я больше не принадлежал этому миру. У меня было чувство человека, который тосковал по родному городу, дому, и, вернувшись домой много лет спустя, увидел, что все, что он любил, давным-давно изменилось. Все то же, но не то. Потому что из-

менился он сам, необратимо изменился.

Мы сидели на берегу молча. О чем думала Тота, я не знал, да и не хотелось спрашивать. Я вспоминал свое детство, школу, работу. Все это было каким-то отрывочным, будто вычитанным из книги, будто не со мной происходило. Гораздо ярче помнилось, как я похоронил первую Тоту. И как Вайт и Блек с Редом поразились, увидев меня без «оболочки», когда я, сняв спецовку, решил ее прополоскать в озере. Они не могли понять, как это – скинув оболочку, залезть в нее обратно и продолжить ее носить? Смешно было... Как я сильно порезался куском обсидиана, вулканического стекла, когда пытался сбрить отросшие на голове волосы, и мои старички заплевали мне всю голову слизью, лечили меня. Помогло, кстати, даже шрама не осталось. Еще вспомнилось, как Тота первый раз сказала мне, что я – разумный. Думаю, она просто хотела мне польстить.

Наверно, дело в том, что на Земле я никогда не чувствовал себя настолько нужным, как там, в безымянном мире жонглеров. Тота пыталась мне объяснить принцип перемещения, который они используют, но я даже не понял – перемещаются они только в пространстве или и во времени тоже. В физике и математике я оказался бездарным учеником, она это поняла очень быстро, но все-таки не относилась ко мне, как к убогому. Возможно, потому, что в плане чувств я тоже смог ее кое-чему научить, когда пытался спасти «родительниц» от одинокой кончины. Тота спрашивала меня много раз

– зачем спасать то, что спасти невозможно? И я отвечал ей, потому что «люблю и жалею».

Эти два понятия мы с ней долго не могли освоить. «Жалею» она поняла быстрее, на примере того, что она чувствовала, когда спасала меня. С понятием «люблю» мы долго мучались. Я думаю, она и сейчас не совсем это понимает, но то, что она привезла меня на Землю, доказывает, что все-таки что-то до нее дошло. Склонность к абсурду, наверно, еще одно чисто человеческое качество, и Тоте, признавшей меня разумным, не дает покоя то, чего она постичь пока не в силах, хотя и может принять. В конце концов, осознанное любопытство – еще один из признаков разума, как мы с ней решили.

Когда солнце взошло, над нами завис беспилотник – Земля заметила возвращение своего блудного сына – и я сказал Тоте, что пора возвращаться. Она сказала, что я должен остаться на Земле. Я взял ее на руки и повторил «вернуться».

Я хочу остаться и провести оставшиеся мне дни в своем гуманизме, рядом с теми, кому я нужен.